

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. М. ГОРЬКОГО
ГОРЬКОВСКАЯ КОМИССИЯ ПРИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ

РАННИЙ М. ГОРЬКИЙ

ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. 1992 г.

Издательство Нижегородского университета
Нижний Новгород
1993

Общественная редколлегия:

Гаранина Л. Ф., Ермакова М. Я., Зайцева Г. С. (отв. редактор), Кузьмичев И. К., Морохин В. Н. (отв. секретарь), Рыжова Т. А.

Горьковские чтения. 1992 г.: Материалы конференции «Ранний М. Горький». Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1993, с. 186.

В сборнике опубликованы материалы выступлений на международной конференции, посвященной 100-летию начала литературной деятельности А. М. Горького. Конференция состоялась в Нижнем Новгороде 19—20 мая 1992 г.

Г $\frac{4603000000-135}{М 187 (03)-93}$

ISBN 5-230-04189-7

© Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижегородский государственный музей А. М. Горького, Горьковская комиссия при Нижегородской областной Администрации. 1993

многие из тех вопросов, которые волновали его в конце 80-х—начале 90-х годов.

Авторское осмысление причины конфликта между Раддой и Лойко вносило существенные коррективы в незавершенный спор «проходящего» с Макаром Чудрой и высвечивало грани конфликта самого М. Горького с окружающей его безгеройной действительностью.

Не случайно оба героя уходят из жизни в начале 80-х годов, когда в России особенно интенсивно шел процесс «разрушения личности» и дегеронизации жизни, когда хождение в народ потерпело крах, причиной которого явилось непонимание крестьянами благородных целей героев-народников, добровольно идущих на лишения и смерть. Уже тогда «таких людей», с которыми «ты и сам лучше становишься», осталось немного.

Спустя десять лет Чудра скажет о Лойко Зобаре: «Вопел! Никто уж так не поет теперь!» (с. 21). Да и сам Чудра «пел» в то же время тоже совсем не так, как теперь, в начале 90-х. От жажды борьбы и желания «коли жить, так царями над всей землей» (с. 17) он опускается до примиренческой проповеди («так нужно жить: иди, иди—и все тут») (с. 14).

В начале 90-х годов М. Горький весьма критически оценивал и современное ему общество и перспективы его оздоровления. В рассказе «Макар Чудра» он сделал попытку посмотреть на будущее из прошлого. Но увидеть то, что впереди, мешало настоящее. Поэтому встреча «проходящего» с «иными» людьми, реализация мечты «сделать людей счастливыми» откладывались на неопределенное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горький М. Полн. собр. соч. В 25-ти тт. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 14. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАННИХ РАССКАЗОВ М. ГОРЬКОГО

Т. П. Леднева

Основой настоящих исследований является научная методология, разработанная в трудах Б. О. Кормана. Ученый, опи-

раясь на труды В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, Г. А. Гукковского, Л. Я. Гинзбург и др., ввел понятие субъектной организации произведения как важнейшего средства выражения авторской позиции, понятия «субъект речи», «субъект сознания» и их соотношение, дал классификацию субъектов сознания в зависимости от их выявленности в тексте—повествователь, личный повествователь, рассказчик¹.

Обращение к вопросу о субъектной организации ранних рассказов М. Горького вызвано интересом к творческому методу писателя. Как известно, проблема метода оказывается не решенной до сих пор, хотя она постоянно привлекает к себе внимание горьковедов. Ни одно из существующих определений: романтический, революционный романтизм, романтический реализм типа лермонтовского, реалистический романтизм, реализм особого качества, предсоциалистический реализм и т. д.² не может считаться удовлетворительным, хотя бы потому, что не охватывает всю идейно-художественную структуру раннего творчества писателя.

В литературе XIX—XX вв. имеет место процесс взаимопроникновения различных художественных методов, так специфика романтизма определяется его постреалистическим характером³. Эта мысль подтверждается и творчеством М. Горького. Например, анализ концепции человека в его ранних произведениях приводит к выводу о том, что прямое изображение идеального и антиидеального героя соединяется здесь с представлением о человеке как «продукте» социальной среды, детерминированном социальными, национальными, природно-естественными условиями. Кроме того, писатель сохраняет этическую оценку человека, характерную для реализма. Субъектная организация оказывается одним из важнейших показателей специфики художественного метода. Именно поэтому, стремясь разрешить этот вопрос применительно к творчеству раннего Горького, мы начинаем с нее. Но прежде, чем перейти к анализу субъектной организации рассказов М. Горького, следует оговорить субъектную структуру романтического и реалистического произведений.

Сутью романтического метода является нравственно-эмоциональная оценка действительности. В центре—суверенная, самооценная, свободная личность, существующая как бы вне системы общественных отношений. Б. О. Корман пишет: «Я» не просто ценность первого порядка, но и, по существу, единственно возможная ценность. Другой же человек либо высту-

пает как абсолютное подобие «я», его эманация и двойник (и в этом смысле не обладает самостоятельным значением и бытием), либо оказывается противоположностью «я» — воплощением прозаической бездуховности. Естественно, что ... «я» узурпирует все субъектно-объективные права: оно выступает и как единственный субъект и как свой главный объект»⁴. Таким образом, для литературы романтизма характерна монологическая субъектная структура⁵.

Реализм вырастает из романтизма и как оппозиция к нему. Он признает безусловную ценность человека как родового существа, представителя человечества, не отделимого от людей, от эпохи. И это влечет «за собой принципиально новое представление о соотношении «я» и другого человека... Признание прав «я» обеспечивается признанием прав другого человека как высшей ценности»⁶. В произведениях Достоевского «появляется герой, голос которого построен так, как строится голос самого автора в романе обычного типа. Слово героя о себе самом и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово; оно не подчинено объектному образу героя как одна из его характеристик, но и не служит рупором авторского голоса. Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев»⁷. Таким образом, реалистический метод предполагает множественность точек зрения, герой осознает себя в соотносительности с другими людьми, рассказчик не обладает монополией на истину.

Посмотрим, как субъектно организованы произведения М. Горького. В центре нашего внимания будут те рассказы, которые обычно характеризуются как романтические — «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Валашская сказка».

Строя повествование преимущественно как рассказ в рассказе, Горький дифференцирует рассказчиков. Один из них, назовем его героем-рассказчиком (Макар Чудра, Изергиль, Рагим), — человек, умудренный жизненным опытом, вписанный в природный, естественный, а не социальный мир, для которого характерна и созерцательная позиция («ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай — вот и все!»⁸), и состояние размышления над жизнью («...вижу я, что не живут люди, а все примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут пла-

каться на судьбу. Что же тут—судьба? Каждый сам себе судьба» (1. С. 92).

Собеседником этого, вписанного в естественно-природный мир рассказчика, является проходящий—человек молодой, связанный с миром социальной действительности, а потому близко стоящий к читателю, опирающийся на достижения общественной мысли конца XIX—XX вв. Мы узнаем в его позиции расхожие для своего времени идеи—это и просветительско-учительская установка («учиться и учить»—1. С. 13), и социальная активность, и действенность. Иначе говоря, внутренний мир проходящего, его реакция на жизнь социально-детерминированы, а героя-рассказчика детерминированы природно-биологически.

Соотнесенность двух рассказчиков в рамках одного произведения также не однозначна. В «Макаре Чудре» проходящий ориентирован на анализ, ему предоставлено право конечной оценки. Он максимально приближен к автору, а герой-рассказчик связан с романтической традицией. Его слово не аналитично, а эмоционально и прямооценочно. Герои рассказа—Лойко и Радда—дифференцированно воспринимаются и оцениваются основными носителями речи—Чудрой и проходящим. Один видит их «изнутри», другой может взглянуть на них и «со стороны». Макар Чудра и герои—представители одного вольного цыганского племени. И во взглядах на жизнь, в поступках, идеалах герой и рассказчик едины. Таким образом, Макар Чудра «удвоен» в героях. У них одна система ценностей, одна точка отсчета, а проходящий дистанцирован от героев и Макара Чудры.

В «Старухе Изергиль» иерархия рассказчиков иная: проходящий не ближе к автору, чем Изергиль. Изергиль является первым субъектом речи и сознания. Она рассказывает три истории—о Ларре, Данко и историю своей жизни. Ей принадлежит право оценки героев. Для нее они—отрицательный и положительный герои, однако, по отношению к своему жизненному опыту, такая оценочная поляризация не учитывается. И она вынуждена корректировать однозначность своей оценки. Еще сложнее оказывается оценка, сделанная проходящим. Она также не абсолютна. Если в «Макаре Чудре» он целиком в плену сказки, то здесь взгляд его рассеивается: он думает «о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд», заботится о старухе Изергиль, («Я прикрыл ее старое тело»),

взгляд его обращен и на природу («По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально») (С. 96). Проходящий тем самым как бы уходит от окончательной оценки. В рассказе нет ни одного повествующего, кто взял бы на себя право конечной оценки. Итоговая оценка дается композиционно: через расположение и соотношение частей в тексте, через художественную логику их сцепления, т. е. таким путем, который был характерен для русской реалистической литературы XIX века, в частности, для творчества Ф. М. Достоевского.

А вот в «Песне о Соколе» проходящий и герой-рассказчик равноценны как субъекты речи и сознания. Об этом говорит характеристика их эмоционального состояния, которая навеяна пейзажем: «Мы... оба находимся в том настроении, когда все кажется прозрачным, одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать» (С. 43). А также форма общения между ними: «Он (Рагим) философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем» (2. С. 43). Это свидетельствует о том, что между рассказчиками снята установка на диалогичность, характерная для рассказов «Макар Чудра», «Старуха Изергиль». Чудра и Изергиль воспринимали проходящего как чужого. В первом рассказе между субъектами речи, как мы говорили выше, лежит опыт социальной жизни, а во втором—субъектов разделяет опыт отдельной человеческой жизни (Изергиль находится в конце жизненного пути, проходящий—в начале его). В «Песне о Соколе» подобного противопоставления мы не найдем. Для Рагима проходящий—часть природы, и общение с ним все равно, что общение с самим собою.

Такая соотнесенность двух рассказов в названных произведениях необходима была Горькому для того, чтобы показать процесс освоения романтической истории, песни, легенды современным читателем, привыкшим к восприятию реалистической литературы. Романтический идеал не просто противопоставляется жизни, у него есть проводник (герой-рассказчик), приближающий идеал к современности. И тем самым делающий его значительнее, весомее, понятнее для современников.

Но наряду с рассказами, где показана жизнь с разных точек зрения, под углом различного опыта, Горький создает и произведения, в которых стремится выразить монологический взгляд на мир. Примером тому может служить «Валашская

сказка», в которой один повествователь. Но слово его не индивидуально. Оно воплощает в себе мировоззрение и опыт целого народа, как бы синтезирует слово двух рассказчиков (Чудры и проходящего, Изергиль и проходящего, Рагма и проходящего), хотя повествователь иногда и может лично прокомментировать те или иные события и поступки героев.

Таким образом, на уровне субъектной организации в ранних рассказах Горького деформируется романтическое требование единства личности. Это позволяет сделать вывод о том, что их нельзя причислять к романтическим произведениям. Субъектная организация этих произведений строится как романтическая и реалистическая одновременно, следовательно, романтизм здесь деформирован реализмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. Ижевск, 1977; Он же. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981; Он же. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978; Он же. Лирика и реализм. Иркутск, 1986.

2. См.: Процанова Л. М. Романтические тенденции в творчестве М. Горького // Максим Горький. Проблемы творчества. Бельцы, 1968. С. 35; Тагер Е. Б. Революционный романтизм Горького // Русская литература конца XIX—начала XX вв. М., 1968. С. 216; Горьковские чтения, 1959—1960. М., 1962. С. 39; Метченко А. Завещано Горьким. М., 1969. С. 109—110; Красунов В. К. Творческий метод раннего М. Горького как явление реализма // Вопросы горьковедения. Горький, 1986.

3. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 244.

4. Корман Б. О. Лирика и реализм. Иркутск, 1986. С. 16—17.

5. См.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974; Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. Л., 1959.

6. Корман Б. О. Лирика и реализм... С. 17—18.

7. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 7—8.

8. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25-ти тт. М., 1968. Т. I. С. 13. В дальнейшем при ссылке на это издание том и страницы указываются в тексте.